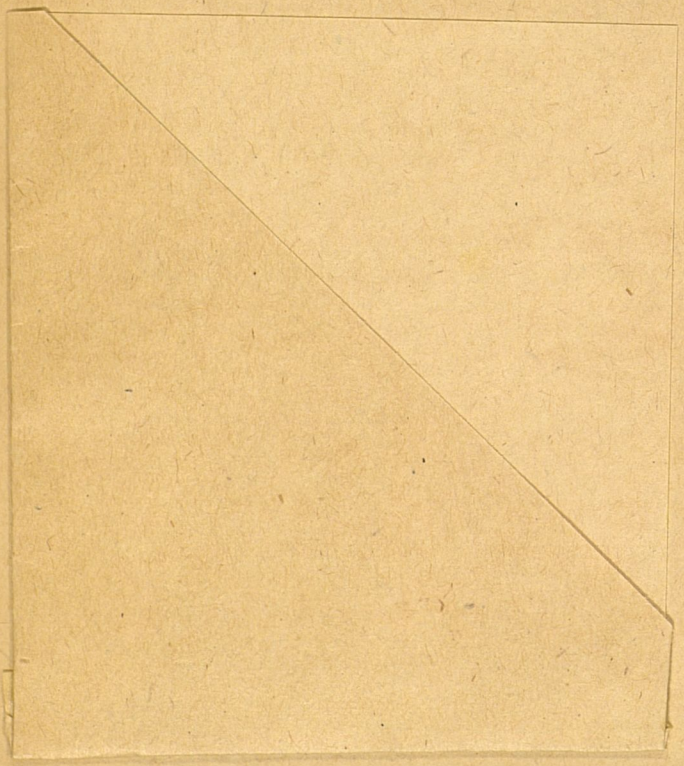


ЖИЗНЬ ИДЕТЪ!

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

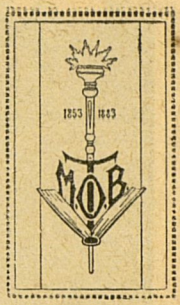
Л·А·ЧАРСКОЙ

ФЕНЯЧКА

ИЗДАНІЕ Т-ВА М·О·ВОЛЬФЪ

Безплатное приложеніе къ журналу «Задушевное Слово».

Ob notion
129
343b


1853
1883
M.O.B.

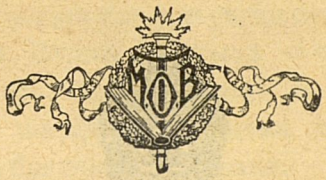
Ключъ въ рукѣ Фенички; она выскакиваетъ за дверь...

129
+222

ФЕНИЧКА

РАЗСКАЗЪ

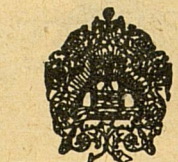
Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 1 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

448/23



1914

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
1968 акт РК-2466
1.

ФЕНИЧКА

I.

ВЕСНА. Празднично и нарядно смотритъ голубое небо. Волной золотыхъ лучей затопило солнце весь большой городъ съ его домами-дворцами, съ широкими улицами и зелеными, по-весеннему убранными скверами.

Окна дортуара Н-скаго института для дѣвицъ раскрыты настежь. На подоконникѣ одного изъ нихъ, съ мочалкой въ одной рукѣ и тряпкой въ другой, стоитъ голубоглазая, свѣжая, какъ наливное яблочко, Феничка, «дортуарная дѣвушка» института. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пріѣхала семнадцатилѣтняя Феничка изъ деревни, чтобы служить въ качествѣ горничной въ этихъ институтскихъ стѣнахъ. Родныхъ у Фенички—ни души на свѣтѣ. Въ деревню ее отдали на воспитаніе къ совсѣмъ чужимъ людямъ. Еще маленькой двухгодовалой дѣвочкой она была отдана въ

воспитательный домъ, гдѣ принимаются круглыя сироты или дѣти бѣдныхъ родителей. Такою круглою сиротою была и дѣвочка Ѳедосья Евлампьева. Изъ воспитательнаго дома ее отправили въ маленькую деревеньку Таисовку, къ чужимъ людямъ. Здѣсь она нашла свою вторую семью. Солдатка Арина, воспитавшая ее наравнѣ со своей дочерью Анютой и сыновьями Прокломъ и Ѳедоромъ, вполнѣ замѣнила Феничкѣ мать. Горько плакала старая Аринушка, отправляя Феничку въ Петербургъ на службу. Но не отпустить дѣвушки не могла: Феничка была питомица казеннаго воспитательнаго дома, казна платила Аринѣ за ея содержаніе, и теперь Феничка должна была отслужить казнѣ.

Свѣжая, сильная, жизнерадостная и веселая Феничка изъ свободной и привольной деревенской жизни попала прямо въ какое-то заключеніе. Институтскій бытъ съ его строгимъ режимомъ, правилами, звонками, съ ходьбой по струнке и суровыми окриками надсмотрщицы надъ служащими дѣвушками, — не особенно понравился Феничкѣ. Не нравилось ей и тугое накрахмаленное форменное полосатое платье, издавно дававшее носившимъ его дѣвушкамъ прозвище «полосатокъ», и прическа «кренделькомъ», по формѣ. То ли дѣло коса да широкія яркія безъ таліи кофточки-самодѣлки,

да босыя ноги! Да, вмѣсто этихъ тяжелыхъ грубыхъ козловыхъ башмаковъ...

Оторванная отъ деревни, съ которой она сроднилась, Феничка чувствовала себя въ институтѣ очень плохо. И даже легкая, сравнительно, работа ей не нравилась. Вспоминались веселыя полевыя страды, косьба, жатва подъ неумолкаемое пѣніе дѣвушекъ, знакомыя дорогія лица.

— Совсѣмъ я нынче словно тюремная затворница, — разсуждала Феничка, любившая выражаться высокимъ словомъ.

Феничка не являлась вполнѣ дикаркой-крестьяночкой. Въ трехклассномъ сельскомъ училищѣ, находившемся въ двухъ верстахъ отъ деревеньки, гдѣ жила Арина съ семьею, Феничка, почерпнула книжную мудрость. Школа научила Феничку грамотѣ, начальной русской исторіи, географіи, четыремъ правиламъ ариѳметики и Закону Божію.

Феничка любила деревню и охотно вернулась бы туда обратно.

«Ахъ! Хорошо было въ деревнѣ! Не то, что здѣсь. И кабы не «ангелочекъ милый, кажись, вольной птицей полетѣла бы назадъ, — мысленно говорила Феничка, грустно улыбаясь своими свѣжими румяными губками.

II.

— «Не шей ты мнѣ, матушка, новый сарафанъ»... — поетъ, заливается Феничка, стоя на широкомъ подоконникѣ, и усиленно третъ намыленной мочалкой оконныя стекла. Голосокъ у нея свѣжій и звонкій, точно серебряный колокольчикъ.

Внизу на улицѣ останавливаются прохожіе, и чиновникъ съ портфелемъ, какія-то двѣ барышни съ папками для нотъ и маляръ съ ведеркой и кистью.

— Знатный голосина! — восторгается маляръ.

— Какая прелесть! — говоритъ одна барышня другой. — И голосокъ очаровательный, и сама хорошенькая.

Феничка не можетъ слышать этихъ лестныхъ мнѣній о себѣ. Она стоитъ въ окнѣ на высотѣ нѣсколькихъ саженей отъ земли. Но по обращеннымъ къ ней лицамъ она догадывается о произведенномъ ею выгодномъ впечатлѣніи. И общее восхищеніе ей льстить. Она заливается жаворонкомъ на всю улицу. Волны весенняго воздуха бьютъ ей въ лицо. Легкій вѣтерокъ ласкаетъ загорѣлое лицо и шею, треплетъ природные завитки русыхъ

волосъ. Пѣсня смѣняетъ пѣсню. Теперь изъ груди Фенички льется любимый ею мотивъ пѣсни «Хазъ Булатъ» къ словамъ, придуманнымъ ею самой.

...«Скучно мнѣ въ городѣ, скучно, а въ деревнѣ у насъ воля да просторъ... Ай лю-ли, волюшка да, ай лю-ли, просторъ»...

Внизу публика все прибываетъ. Толпа увеличивается, растетъ. Неожиданно раздаются аплодисменты.

—Браво, дѣвушка, браво!

Феничка улыбается. Необузданное веселье охватываетъ ее.—Пріятно производить такое впечатлѣніе. Когда она пѣвала на посидѣлкахъ въ деревнѣ, ея голосъ заглушалъ всѣ остальные голоса. Не даромъ ее и прозывали у нихъ въ Таисовкѣ: «Феничка-пѣвунья». Но тамъ-то вѣдь деревня, тамъ она, Феничка, своя, а здѣсь не «мужики неотесанные», а важныя барыни, да господа слушаютъ ее. Вотъ генералъ остановился на тротуарѣ подъ руку съ дамой и тоже улыбается ей... Хорошо!.. Соловьемъ поетъ Феничка. Вся порозовѣла, глаза блестятъ... Ушли, уплыли изъ вида высокіе дома съ желѣзными крышами; затихли, не слышны Феничкѣ больше звонки трамваевъ и гудки автомобилей... Шумный большой городъ исчезъ. Передъ мысленнымъ взоромъ Фенички встаетъ род-

ная Таисовка, золотыя, наливающіяся колосьями поля, запахъ сѣна и ржи, такой знакомый, такой любимый, пестрые сарафаны подругъ и сверкающія на солнцѣ лезвія серповъ... И сама она, рядомъ съ черненькой Анютой, названной сестрой, румяная, счастливая, свободная, далекая отъ этихъ суровыхъ, сѣрыхъ институтскихъ стѣнъ. Какъ легко дышится на свободѣ, какъ вольно и сладко поется!

Феничка, забывшись, беретъ самую высокую серебристую нотку, которой, навѣрное, позавидовалъ бы сѣрый жаворонокъ тамъ, въ вышинѣ, но вѣтеръ мгновенно обрываетъ пѣсню. Быстро сбѣгаетъ румянецъ съ ея лица, испуганно округляются голубые глазки. Даже губы бѣлѣютъ замѣтно, и все лицо отражаетъ ужасъ.

Передъ Феничкой, словно изъ подъ земли, вырастаетъ «Жила».

Настоящая фамилія инспектрисы, появившейся такъ неожиданно въ дортуарѣ старшаго выпускного класса, которому прислуживаетъ Феничка,—Туманова, но институтки, а за ними и низшія служащія Н-скаго института, прозвали инспектрису «Жилой». Прозвали такъ потому, что она, какъ объясняли Феничкѣ институтки, «точно жилы вытягиваетъ изъ провинившихся воспитанницъ».

Дутая, желчная, съ морщинистымъ, злымъ лицомъ и брезгливо поджатыми губами, она незамѣтно подкралась къ Феничкѣ и напустилась на нее.

— Ты что это разоралась, какъ въ деревнѣ! Да ты забылась совсѣмъ! Да какъ ты осмѣлилась распѣвать на всю улицу свои глупыя пѣсни! Вѣдь Богъ знаетъ, что подумать могутъ тамъ внизу... Публика собралась... Глупая, неотесанная деревенщина!.. Сегодня же скажу вашей надсмотрщицѣ, чтобы она перевела тебя внизъ убирать подвальныя помѣщенія... Здѣсь, ‘у барышень, ты не годишься: глупа, неотесана и груба...

И, возмущенная и преисполненная негодованія, «Жила», сердито тряся сѣдѣющей головой, вышла изъ дортуара, бросивъ на растерянную Феничку съ порога еще разъ уничтожающій взглядъ.

Съ минуту Феничка стояла, какъ вкопанная. Мыльная грязная вода стекала съ мочалки на полъ. На полу образовалась грязная лужа. Феничка не замѣчала ничего. Блѣдная, испуганная, съ выраженіемъ отчаянія въ лицѣ, стояла она на подоконникѣ въ той самой позѣ, въ которой застала ее инспектриса.

Неожиданно слезы хлынули изъ ея глазъ... О,

это было ужъ слишкомъ: переходить въ подвальное помѣщеніе, когда здѣсь у нея на верху «ангелочекъ милый», успѣвшій хоть отчасти примирить ее, Феничку, съ тяжелой институтской службой. «Ангелочекъ милый» останется здѣсь, въ этомъ дортуарѣ, за нимъ будетъ ухаживать другая прислуга, а она, Феничка, будетъ въ это время убирать полутемное подвальное помѣщеніе для служащихъ, бѣгать въ лавочку по порученію надсмотрщицы-нѣмки Марьи Денисовны, будетъ исполнять черную работу вдали отъ ея «милаго ангелочка».

Помутившимися глазами Феничка обводитъ комнату и считаетъ бѣлыя узкія кроватки воспитанницъ, тянущіяся тремя правильными рядами отъ одного края дортуара въ другой.

— Первая, вторая, третья, четвертая... — шопотомъ считаетъ Феничка, — пятая, шестая, седьмая... Вотъ она, вотъ... На этой бѣлой узенькой кроваткѣ спитъ въ ночное время ея «ангелочекъ милый», «бѣляночка» — выпускная воспитанница Н-скаго института, Нона Павловна Сумская...

Уже шестой мѣсяцъ служитъ въ отдѣленіи выпускныхъ Феничка. Много замѣчаній, даже окриковъ, много непріятностей получала она отъ избалованныхъ, изнервничавшихся порою вос-

питанницъ. Много насмѣшекъ вынесла вслѣдствіе своей нерасторопности и деревенской угловатости Феничка. Но отъ Ноночки Сумской, высокой, тоненькой, съ блѣднымъ личикомъ, испещреннымъ нѣжными голубыми жилками у висковъ, съ большими сѣрыми разсѣянными глазами, — Феничкѣ не пришлось услышать ни одного замѣчанія. Всегда одинаково ровна и ласкова была съ нею Ноночка Сумская. Она и передъ подругами-одноклассницами часто являлась заступницей Фенички. Разобьетъ ли чью-нибудь кружку для полосканія рта Феничка, Нона Сумская заступится за провинившуюся. Забудетъ ли Феничка постлать постель или приготовить чистое бѣлье кому-либо изъ барышень, Ноночка и тутъ является ея заступницей. И самая внѣшность Ноны, бѣленькой, какъ снѣжинка, хрупкой и нѣжной, какъ дорогая саксонская вещица, съ густыми бѣлокурыми волосами, уложенными двумя вѣнцами тяжелыхъ косъ на изящной маленькой головкѣ, ужасно нравилась Феничкѣ.

— Бѣляночка моя! Золотко мое! — часто награждала Феничка шопотомъ проходившую мимо нея Сумскую.

Нерѣдко приносила ей Феничка горбушку чернаго свѣжеиспеченнаго хлѣба, посыпаннаго

крупною солью,—всю свою порцію,—зная, какъ неравнодушны вообще институтки къ этому оригинальному, далеко неизысканному лакомству. Приносила и клала въ ночной столикъ Ноночки. Послѣдняя знала объ этомъ молчаливомъ обожаніи горничной и платила ей самымъ дружескимъ отношеніемъ. Часто вела она бесѣды съ Феничкой объ ея деревнѣ, семьѣ, выростившей ее, о полевыхъ работахъ. Иногда Нона угощала Феничку лакомствами послѣ пріема родныхъ по четвергамъ и воскресеньямъ; словомъ, всячески выражала ей свое доброе отношеніе.

У кровати Ноны Сумской Феничка часто изливала въ слезахъ, наединѣ, свое горькое недовольство городской службой и тоску по деревнѣ. И сейчасъ она бросилась съ залитымъ слезами лицомъ на колѣни передъ знакомой постелькой, обвила обѣими руками подушку и, прижавшись къ ней головою, горько, неслышно зарыдала отъ обиды и тоски.

III

Не долго проплакала Феничка. Недомытыя окна и брошенныя на полу мочалка съ тряпкой

настойчиво звали къ покинутымъ служебнымъ обязанностямъ. Немедленно поднялась Феничка, любовнымъ взглядомъ окинула Ноночкину кровatку, поправила на ней одѣяло, подушку и крошечную икону, привѣшанную къ изголовью на розовой лентѣ и, вытирая слезы, принялась снова за прерванную работу на окнѣ. Теперь уже было не до пѣсенъ. Затрещалъ звонокъ въ нижнемъ коридорѣ: кончились классы, наступалъ часъ обѣда и большой перемѣны. Надо было заканчивать уборку поскорѣе и спѣшить внизъ мыть посуду по окончаніи обѣденнаго стола. А тамъ, навѣрное, позовутъ къ Марьѣ Денисовнѣ — «Жила» успѣла, конечно, нажаловаться, и надсмотрщица лишитъ Феничку ея послѣдней радости — службы у выпускныхъ.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ работала теперь дѣвушка. Слезы высохли на глазахъ, но въ душѣ не стало веселѣе. Такъ хорошо начался этотъ день и такъ печально кончился. Съ тяжелыми вздохами, то-и-дѣло рвавшимися наружу, Феничка приканчивала свою работу. Вотъ домыто послѣднее окошко. Она забрала лоханку, тряпку, мыло съ мочалкой и спѣшитъ изъ дортуара.

На порогѣ веселая ватага сталкивается съ ней,

— Феничка! Феничка! — звучатъ голоса ин-

ститутокъ,—куда вы? Не пустимъ. Намъ нужно переговорить съ вами.

Кто-то Феничку освобождаетъ отъ ея багажа, кто-то со смѣхомъ хватаетъ ее за руки и тащитъ обратно въ дортуаръ къ только что вымытому окну. Вокругъ нея тѣснятся зеленыя платья, бѣлые передники и пелеринки воспитанницъ и десятокъ юныхъ смѣющихся личикъ, казавшихся самимъ отраженіемъ весны. Дѣвушки смѣются, имъ весело. Весело оттого, что пришелъ май, желанный май, въ концѣ котораго ихъ, какъ птичекъ изъ клѣтки, выпустятъ на свободу, оттого, что жизнь, незнакомая, невѣдомая имъ, кажется издали такой прекрасной, и потому что собственная юность и свѣжесть радуетъ ихъ.

Феничка невольно оживляется при видѣ этихъ милыхъ смѣющихся личикъ. Барышни всѣ, какъ нарочно, прибѣжали сюда самыя милыя и ласковыя изо всего класса. Тутъ и черненькая беззаботная шалунья Клавдія Левенцова, и маленькая толстушка Адочка Мирова, и Соня Боковская, и темноглазая грузинка Нина Швили-Муханова, и Таня Мурановская, и Зоенька, и Рая Сельцева, прозванная «Колокольчикомъ» за ея высокій тонкій голосокъ и, наконецъ, самъ «ангелочекъ милый», само «золотко», любимица Фенички, Нона Сумская.

Дѣвушки стрекочатъ, какъ кузнечики.

— Феничка! Феничка! У насъ къ вамъ просьба!—звенитъ «Колокольчикъ».

— Да, да! — подхватываетъ Швили,—необходимо ее исполнить, вся надежда на васъ.

Зиночка Кульская заливается, хохочетъ:

— Достаньте намъ вечеромъ у «Жилы» ключъ отъ садовой двери — спасибо скажемъ, — говоритъ она.

— Только сами не попадитесь, Феничка — предостерегающе говоритъ Нона Сумская, которую подруги за ея осанистый видъ и умѣнье держать себя прозвали «Графинюшкой».

Соня Баковская, она же и «Мышка», маленькая, совсѣмъ не по лѣтамъ миніатюрная дѣвушка, успокаиваетъ Нону.

— Ты не бойся, Графинюшка, Феничка съумѣетъ, если захочетъ. Вѣдь захотите, Феничка? — лукаво улыбается она, беря за руки дѣвушку.

Феничка догадывается, что это—какая-нибудь новая шалость, задуманная институтками, и, забывъ совершенно про свое горе, зараженная общимъ весельемъ, смѣется и спрашиваетъ:

— Да зачѣмъ вамъ ключъ, барышни?

Охи, ахи, восклицанія. Говорятъ всѣ сразу,

ничего нельзя разобрать. Неужели она не понимаетъ!.. Теперь дивныя весеннія ночи... Поютъ соловьи... Пахнутъ одуряюще липы... И луна такая, что умереть отъ восторга можно. Экзамены кончаются... скоро выпускъ... Такія радости впереди... Такъ неужели же спать чурбаномъ въ дивную майскую ночь. Неужели не воспользоваться случаемъ и не погулять вечеромъ въ саду...

Говорятъ хоромъ. Швили-Муханова говоритъ громче всѣхъ. Ея восточные глаза горятъ, гортанный голосъ перекрикиваетъ подругъ. Звенитъ «Колокольчикъ».

— Феничка, утащите ключъ, и мы вамъ преданы на всю жизнь.

Клавдія Левенцова виснетъ на шеѣ Фенички и, душа ее поцѣлуями твердитъ:

— Миленькая, хорошенькая, пригоженькая, услужи намъ, Феничка, вѣкъ не забудемъ, ей-ей!

Нона-«Графинюшка» и молчитъ и смотритъ. Сѣрые разсѣянные глаза теперь оживляются, блестятъ; блѣдное лицо розовѣетъ.

Феничка догадывается, что ключъ нуженъ институткамъ для того, чтобы вечеромъ незамѣтно пробраться въ институтскій садъ.

Да, институтки недурно придумали, но Фе-

ничка соображаетъ, что за «соучастіе» въ шалости институтокъ, за самовольное распоряженіе ключомъ ей, Феничкѣ, въ случаѣ чего, «влетитъ изрядно». Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, рѣшаетъ она, но тутъ же вспоминаетъ, что вѣдь ее, Феничку возьмутъ отъ нихъ нынче, отъ этихъ веселыхъ милыхъ барышень, возьмутъ внизъ, въ скучное помѣщеніе подвала, переведутъ въ наказаніе на нерадостную черную работу. Такъ не все ли равно? Надо въ послѣдній разъ услужить, и «золотку ненаглядному», и ея подругамъ...

Феничка смотритъ на Нону, и послѣднія колебанія тонутъ въ расцвѣтающей нѣжностью душѣ дѣвушки. Конечно, она сдѣлаетъ все, что у нея просятъ, сдѣлаетъ непремѣнно. Пусть успокоятся барышни: ключъ будетъ у нихъ...

IV.

На обязанности Фенички убирать комнату «Жилы»; туда она можетъ входить безъ доклада въ какое угодно время. Завѣтный ключъ отъ садовой двери виситъ въ комнатѣ инспектрисы на гвоздикѣ, подъ портретомъ начальницы Н-скаго института. «Жила» собственноручно вѣшаетъ его

сюда каждый разъ послѣ вечерней прогулки. Ахъ, эта вечерняя прогулка подъ бдительнымъ окомъ начальства! Институтки чувствуютъ себя связанными, стѣсненными на каждомъ шагу. То-ли дѣло выбѣжать въ садъ поздно вечеромъ, когда погаснутъ огни въ дортуарѣ, а бдительные стражи уберутся на покой, и погулять безъ скучнаго надзора классныхъ «синявокъ», какъ издавна прозвали институтки классныхъ дамъ.

Феничка, хотя и не институтка, прекрасно понимаетъ все это... Однако, рука ея дрожитъ, когда она, невиннымъ образомъ пожелавъ «спокойной ночи» инспектрисѣ, облачившейся уже по вечернему въ теплый фланелевый капотъ, незамѣтно протягиваетъ пальцы къ завѣтному ключу, висящему на стѣнѣ.

Вотъ уже ключъ въ рукѣ Фенички; инспетриса ничего не замѣтила. Не слыша ногъ подъ собою, Феничка выскакиваетъ за дверь, мчится по лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ находится дортуаръ старшихъ воспитанницъ. Тамъ ее уже ждутъ на порогѣ. Поверхъ зеленыхъ камлотовыхъ платьевъ институтки накинули байковые платки. Передники и перелинки предусмотрительно сняты— они бы только привлекли вниманіе зоркаго глаза своей бѣлизной. Всѣ здѣсь уже въ сборѣ: и Зо-

инька, и Клавдія, и Швили-Муханова, и «Колокольчикъ». Какими милыми, ласковыми взглядами обдаютъ Феничку дѣвушки, замѣтивъ ключъ въ ея рукахъ!

— Молодецъ, Феничка! Вотъ спасибо, удружила! Славная Феничка! — шепчутъ онѣ наперерывъ.

Со сладко замирающими сердцами скользятъ всѣ внизъ. Феничка съ ними. Она вызвалась караулить барышень, пока тѣ будутъ гулять въ саду.

Безконечно темные коридоры. Крошечныя лампочки, кое-гдѣ оставленныя на ночь, не могутъ освѣтить ихъ убѣгающіе во мракъ углы. Безшумно движутся, придерживаясь стѣнъ, институтки... Вотъ онѣ миновали одинъ коридоръ, быстро сбѣжали съ лѣстницы... Теперь другой... Еще спустились... Слава Богу,—внизу... Проскользнули мимо швейцарской.

Одиннадцать часовъ... Старшій швейцаръ спитъ; младшаго не видно тоже... Скорѣе, скорѣе на крошечную террассу и на крыльцо.

Чуть звякнулъ ключъ и скрипнула дверь подъ рукою Фени.

Испуганные взгляды... Вытянувшіяся шейки... Заглушенный смѣхъ... Дверь раскрыта. Май-

скіе сумерки дышатъ въ лицо пріятнымъ ароматомъ цвѣтущихъ липъ и тополей... Ахъ, какъ хорошо!

— Въ деревню бы теперь, въ деревню!— шепчетъ забывшись Феничка, останавливаясь на верхней ступенькѣ крыльца.

Въ сгустившихся голубоватыхъ сумеркахъ бѣлой майской ночи институтки, взявшись за руки, бѣгутъ... Бѣгутъ на послѣднюю аллею послушать соловья.

Какія трели! Какое наслажденіе! Майская ночь прозрачна и хороша, какъ сказочный сонъ...

Говорятъ шепотомъ. Швили-Муханова набираетъ цѣлую пригоршню бѣлаго липоваго цвѣта и сыплетъ его на черненькую головку Клаши Левенцовой.

— Муха въ молокѣ! Муха въ молокѣ!—хохочетъ грузинка.

Нона Сумская мечтательно смотритъ въ темную чащу сиреневыхъ кустовъ, откуда доносится соловьиная трель.

«Скоро выпускъ... Скоро свобода,—мелькаетъ въ головкѣ дѣвушки, — и никто уже не будетъ мѣшать слушать такъ соловьиную дивную пѣснь по ночамъ».

— Господа! — неожиданно громко кричитъ

«Мышка»,—я, кажется, жука раздавила... Бѣдный жучокъ, несчастный. Погибъ, можетъ быть, во цвѣтѣ лѣтъ. — И дѣвушка чуть не плачетъ отъ жалости къ раздавленному ею нечаянно жуку.

— Ну, это еще пол-несчастья: смотри, какъ бы тебя большой жукъ не раздавилъ, вѣдь ты у насъ дюймовочка-крошка, — смѣется толстушка Ада Мирова.

«Мышка» обижается.

— Лучше быть дюймовочкой, нежели тумбой въ три обхвата,—язвитъ она.

— Удивительно остроумно! — сердится толстенькая Ада.

— Mesdames, какъ вы можете ссориться въ такую ночь! Слушайте соловья и молчите.

Юные голоса смолкаютъ, какъ по командѣ. Юные личики восторженно поднимаются кверху; улыбки, мечтательно грустныя, шевелятъ губы.

О, какъ божественно поетъ онъ, волшебникъ соловей! Въ какое царство грезъ погружаютъ его вешнія пѣсни.

И Феничка заслушалась его невольно, стоя на «стражѣ» у дверей. Но не мечты, а грезы загрождаютъ въ ней его пѣсни. Феничка смущена. Почему «Жила» не исполнила нынче же выска-

занной ею угрозы? Почему не пожаловалась надсмотрщицѣ и не откомандировала ее, Феню, въ подвалъ? Неужели въ ней проснулась жалость? Должно быть, что такъ. А она то, Феничка, противъ нея провинилась и обманула ее — ключъ обманнымъ образомъ утащила. Вѣдь, если по совѣсти разсудить, права была «Жила», запрещая пѣть въ окошкѣ: народъ собрался, дѣлалъ всякія замѣчанія.

Феничка невольно смущается, перебирая въ памяти происшедшее; совѣсть заставляетъ ее признаться въ нехорошемъ поступкѣ... Какъ то неловко дѣлается на сердцѣ.

«Вѣдь не пожаловалась, пострашала только...— укоряетъ себя дѣвушка. — Не приведи Господь, узнаетъ объ ея теперешнемъ поступкѣ,—бѣда»...

Невольное волненіе охватываетъ Феничку. Она стремительно, какъ на крыльяхъ, сбѣгаетъ со ступеней крыльца, несется на послѣднюю аллею, гдѣ маленькая группа юныхъ дѣвушекъ стоитъ зачарованная пѣньемъ соловья.

— Барышни, въ дортуаръ пожалуйте. Не приведи Господи, хватяться насъ, — бѣда будетъ, — шепчетъ въ волненіи Феничка, обѣгая растерянным взглядомъ лица институтокъ.

— Что такое? «Жила» идетъ? Здѣсь она,

въ саду? — раздаются шепотомъ произнесенныя восклицанія.

— Да, да, кажись, уже здѣсь... — импровизируетъ Феничка, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Ея волненіе передается институткамъ.

— Mesdames, «Жила» на горизонтѣ! — кричитъ испуганно «Мышка» и первая летитъ къ крыльцу.

За нею остальныя. Бѣгутъ, несутся, насколько позволяютъ силы...

Но, слава Богу, только почудилось, отступленіе свободно—на крыльцѣ ни души.

— Не возобновить-ли прогулку? — предлагаетъ кто-то.

— Ни, Боже мой! Барышни милыя, и себѣ горе причините и меня подъ арестъ подведете безталанную...—испуганно лопечетъ Феничка.

— Вѣрно, mesdames, не слѣдуетъ подводить бѣдняжку, — поворитъ по-французски Нона Сумская. — Уйдемъ скорѣе, пока никто не узналъ...

— А жаль уходить отсюда... Безуміе спать въ такую ночь,—вздыхаетъ Зиночка.

— Прощай, соловушка! — сантиментально звенитъ «Колокольчикъ».

И всѣ безшумно спѣшатъ назадъ. Такъ же бе-

шумно пробирается и Феничка въ комнату инспектрисы...

«Жила» спитъ. Ея ровное дыханіе раздается на всю комнату.

Феничка неслышно и осторожно вѣшаетъ ключъ на прежнее мѣсто и съ облегченнымъ вздохомъ спѣшитъ въ дортуаръ выпускныхъ, гдѣ въ крошечной умывальной комнатѣ ее ждетъ жесткая, почти на самомъ полу постланная кровать...

Въ эту ночь Феничка засыпаетъ, однако, не скоро. Майская ночь врывается въ открытое настежь окно... Пахнетъ липами изъ сада... По-прежнему томительно-сладко и грустно-восторженно несется соловьиная пѣснь.

Въ русой головкѣ Фенички закипаютъ грезы... Грезы-мечты о деревнѣ, о вольной жизни среди родимыхъ нивъ, о любимыхъ крестьянскихъ работахъ... Въ груди закипаютъ слезы...

А майская ночь, словно ликуя, свѣтлымъ весеннимъ ликованіемъ врывается съ душистой улыбкой въ окно...

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЛЬФА

Собраніе разсказовъ и повѣстей извѣстныхъ русскихъ авторовъ,—преимущественно изъ русской жизни и русскаго быта. Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведеніе, отпечатанное на веленевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ, съ рис.

1. ГРУНЯ. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
2. КРАСНЫЙ ФОНАРЬ. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
3. ДУНЯ ПЕРЕХВАТОВА. Разсказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
4. МИТИНА НИВА. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
5. ЗВѢЗДОЧКА. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
6. ПТИЦЕЛОВЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
7. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА. Разсказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40к.
8. МУНЬКА. Похожденіе одной собаки. Разсказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со мног. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
9. СЧАСТЬЕ БЫТЬ БОГАТЫМЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
10. КАНУНЪ РОЖДЕСТВА. Повѣсть для дѣтей, С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
11. ВЕРБЫ. Разсказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
12. СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
13. ПАНГЕРАНЪ-ПУГАРЬ, ЯВАНСКІЙ ОХОТНИКЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
14. ТО—ЧТО МОЖНО. Разсказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
15. ПЕТРО АКЧИМЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
16. СЕМИКЪ И ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
17. НОЧЬ НА ИВАНОВЪ ДЕНЬ. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
18. КАКЪ ПОЙМАТЬ СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
19. СУБАЛА, ДОБРОДУШНЫЙ СЛОНЪ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
20. ГАРАНЬКА. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
21. ПЕТРУСЬ МАРТЫНЮКЪ. Повѣсть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
22. ЧАЙКА. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
23. БѢДНЫЕ ИНДУСЫ. Повѣсть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ пап. 35 к.
24. ДОМИКЪ СЪ ЦВѢТАМИ. — СТАРЫЙ САДОВНИКЪ. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
25. ОРЛАНДЪ.—ПОЭТЪ И СОЛОВЕЙ. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
26. ВЫѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
27. ВОСПОМИНАНІЯ МОЕГО ТОВАРИЩА. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
28. ДОБРОЕ СЛОВО. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
29. СЮРПРИЗЪ. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к. въ папкѣ 35 к.
30. НАТАША ГОРДѢЕВА. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
31. ДРУЗЬЯ. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
32. ШМУЭЛЬ. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
33. ГОРЬКАЯ СУДЬБА. Разсказъ В. Самойловичъ. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18 и Невскій, 13. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12 и Тверская, 22.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

ГПБ Русский фонд
129
4222